

В.П. Мещерский

Мои воспоминания

Часть 1 (1850-1865 гг)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В.П. Мешерский**
Мои воспоминания: Часть 1 (1850-1865 гг) / В.П. Мешерский – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 459 с.

ISBN 978-5-458-07005-8

ISBN 978-5-458-07005-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

На счетъ честности житейской — я живо помню, что въ раннемъ дѣтствѣ, когда мнѣ было 8 лѣтъ, я спасенъ былъ два раза строгостью моего отца и моей матери отъ опасности сдѣлаться безчестнымъ. Въ деревнѣ мы съ братомъ украли на. оранжереѣ дыню; пятна на рубашкахъ насъ выдали; мы сознались, но нашъ отецъ, сказавши намъ, что кража есть страшный грѣхъ, — подвергъ насъ наказанію розгами и переполнилъ наши дѣтскія души ужасомъ и страхомъ къ этому преступленію. Потомъ черезъ годъ я совершилъ новый проступокъ противъ честности, не подозрѣвая его. Будучи въ училищѣ, я попросилъ у бабушки своей, Карамзиной, денегъ на лакомства. Бабушка мнѣ ихъ дала, но мать моя меня позвала, и съ такимъ глубокимъ чувствомъ объяснила мнѣ, что просить деньги у кого бы то ни было, кромѣ родителей, постыдно и гадко, что горько я заплакалъ, и невольно это запомнилъ...

Восьми лѣтъ меня отдали съ братомъ во вновь открывшіеся тогда приготовительные классы училища Правовѣдѣнія. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій купилъ на свой счетъ барскій домъ Неплюева, на Сергіевской, и тамъ открылъ два класса, съ французомъ Бераромъ, пруссакомъ Штейномъ, и Шильдеромъ нѣмцемъ, какъ воспитателями. Это было своего рода постриженіе, но настоящее: мои длинныя кудри были безпощадно уничтожены казеннымъ цирюльникомъ навсегда, и обстриженные по солдатски, мы поступили подъ строгую дисциплину школы...

Тогда директоромъ училища Правовѣдѣнія былъ старикъ Пошманъ; онъ доживалъ свой вѣкъ и процарствовалъ надъ нами только нѣсколько мѣсяцевъ... Но помню, что его фигура и его имя были авторитетны... Съ его смертію

назначили князя Голицына, изъ бывшихъ зорныхъ... Онъ на насъ произвелъ впечатлѣніе своею сухостью и холодною... При немъ кончился 48-й годъ, и до нашего тихаго дѣтскаго убѣжища мира и послушанія стали доходить смутные слухи о чемъ-то неладномъ въ училищѣ. Это неладное заключалось въ броженіи умовъ въ старшихъ классахъ, въ отдѣльныхъ скандалахъ, которые дѣлали воспитанники немилымъ изъ воспитателей и профессоровъ,—князь Николай Семеновичъ Голицынъ оказывался слабымъ и ненаходчивымъ,—и пришлось въ 1849 году сдѣлать *coup d'état*, т.-е. Голицына смѣнить и искать кого-нибудь построжее... Помню, что тогда у насъ ходили слухи о томъ, что Государь училищемъ недоволенъ, и что найдены были будто косвенно замѣшанные въ исторіи Петрашевскаго, разыгравшейся въ 1848 году...

Этого строгаго человѣка нашли въ рижскомъ полицій-мейстерѣ, полковникѣ Языковѣ. Его произвели въ генералы и отдали ему училище Правовѣдѣнія. Помню, какъ вчера, его появленіе къ намъ въ приготовительные классы. Онъ не вошелъ, а влетѣлъ, какъ ураганъ, поздоровался, и затѣмъ, съ глазами на выкатѣ, будто бы для приданія себѣ вида строгости, сталъ обходить наши классные столы... Я стоялъ съ руками, положенными на столъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, ударилъ по обѣимъ рукамъ: какъ смѣть какъ стоять?—рявкнулъ онъ,—руки по швамъ! Другому тоже самое сдѣлалъ—онъ расплакался, и затѣмъ, сказавши такъ: смотрите у меня, вести себя хорошо, а не то расправа будетъ короткая!—вылетѣлъ изъ класса, оставивши насъ въ положеніи овечекъ, испуганныхъ внезапно расходившеюся грозою... Это было первое впечатлѣніе новаго режима, коего, разумѣется, мы не понимали ни смысла, ни причины, такъ какъ пребывали, благодаря

отеческой строгости Папа Берара, нашего старшаго воспитателя, въ самой строгой дисциплинѣ...

Дисциплина была, дѣйствительно, строга. Она усилилась съ появленіемъ Языкова тѣмъ, что за то, что мы не ходили въ ногу въ строю, насъ ставили за черный столъ во время обѣда или завтрака...

Характернымъ проявленіемъ тогдашней школьной дисциплины врѣзалась въ память мою происходившая каждую субботу послѣ всенощной церемонія «*petite-censure*», какъ называлъ ее нашъ Папа Бераръ. Она была и торжественна, и страшна. Папа Бераръ съ ассистентами, въ лицѣ двухъ воспитателей, входилъ къ намъ въ классъ и садился за столъ. Начиналось чтеніе балловъ и нашего журнала поведенія... Всѣ грѣхи недѣли намъ припоминались, съ подобавшимъ внушеніемъ или наказаніемъ. Высшею мѣрою наказанія были розги...

Бравый преображенецъ, унтеръ-офицеръ Илья Ивановъ являлся въ лазаретъ и тамъ происходила экзекуція...

Какъ вчера, помню голосъ Папа Берара, читавшаго такого рода наставленія: *Monsieur NN... a été mis à la table noire pour avoir p. é dans son lit!*

— *Monsieur NN*,—обращался онъ къ виновнику, — *quand donc cesserez vous de p...r dans votre lit?..*

Послѣ троекратнаго такого постановленія, бѣднаго *NN* приговаривали къ розгамъ...

— Александръ Ивановичъ,—обращался Папа Бераръ къ воспитателю Шильдеру,—*il faut administrer à Monsieur ZZ. une petite correction... И ZZ отправлялся въ лазаретъ для экзекуціи... Но замѣчательно, что ZZ отъ этой дурной привычки отдѣлался.*

Но вотъ настали опять безпокойныя времена въ стѣнахъ училища... Языковъ становился грознымъ.

Объ этой грозѣ дошли до насъ нѣкоторые странные рассказы. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ наши дѣтскія души... Вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность директора, Языковъ совершилъ коренную реформу въ воспитательномъ персоналѣ училища и, такъ сказать, въ самой дисциплинѣ. Реформа эта заключалась въ томъ, что почти весь штатскій персоналъ воспитателей былъ замѣненъ гвардейскими и армейскими офицерами, и во главѣ, такъ сказать, дисциплины и ея представителей, воспитателей—былъ поставленъ въ новой должности инспекторъ воспитанниковъ... Выборъ палъ на артиллерійскаго подполковника съ самою внушительною фамиліею, *Рутенберга*... Его наружность гармонировала съ его именемъ: высокаго роста, худой и сухой, съ рѣзкимъ подбородкомъ, съ медленною и всегда одинаковою походкою, онъ являлся передъ воспитанниками всегда суровымъ, всегда строгимъ, и улыбался раза два въ году, что, впрочемъ, не помѣшало намъ современемъ питать къ этому страшному челоуѣку уваженіе.

Съ назначеніемъ офицеровъ стали предъявляться къ воспитанникамъ строгія требованія почти военной выправки и дисциплины, и прежнія патріархальныя, добродушныя отношенія воспитанниковъ къ воспитателямъ замѣнились отношеніями скорѣе формальными и строевыми...

Эта перемѣна реформы вызвала нѣсколько одинокихъ протестовъ со стороны воспитанниковъ болѣе либеральныхъ, и сажаніе въ карцеръ на сутки стало учащаться... Языковъ, какъ мы дѣтскими умами понимали, по доходившимъ до насъ рассказамъ, хотѣлъ *что-то* сломить, и все усиливалъ свою строгость послѣ каждаго отдѣльнаго случая неповиновенія и строптивости...

И вотъ, вслѣдствіе такой системы усиленія наказаній,

произошелъ слѣдующій драматическій эпизодъ. Одинъ воспитанникъ 4 класса—съ 4-го класса воспитанники считались освобожденными отъ тѣлеснаго наказанія,—гуляя по залу, съ застегнутою на 3 пуговицы сверху курткою и съ руками въ боковыхъ карманахъ—два кармана были строго воспрещены,—мирно бесѣдовалъ съ своимъ товарищемъ... Подходить къ нему дежурный офицеръ, останавливаетъ его и приказываетъ ему застегнуть куртку и руки вынуть изъ кармана, а лѣвый карманъ велитъ зашить...

— Я развѣ вамъ мѣшаю?—отвѣчаетъ воспитанникъ, не вынимая руки изъ кармана, а другую руку переводя въ промежутокъ между разстегнутыми пуговицами куртки.

— Прошу не разсуждать,—отвѣчаетъ офицеръ,—и исполнить приказаніе.

— Не хочу,—отвѣчаетъ воспитанникъ.

— Въ карцеръ маршъ!

Винновный посаженъ былъ въ карцеръ.

Офицеръ доложилъ Рутенбергу, Рутенбергъ Языкову. Языковъ приходитъ въ сильное возбужденное состояніе, и рѣшаетъ, повидимому, что пришла минута показать себя во всей строгости своей власти.

Онъ стремглавъ летитъ въ залы училища.

— Строиться!—раздается по обѣимъ заламъ младшаго и старшаго курсовъ его страшный голосъ...

Три старшіе класса входятъ въ строю въ залъ младшаго курса. Затѣмъ онъ зоветъ всѣхъ наличныхъ учителей-профессоровъ и воспитателей, затѣмъ строитъ всѣ классы въ карѣ, и вдругъ раздается команда: скамейку и розги...

Когда принесли скамейку и розги, Языковъ велитъ

привести провинившагося изъ карцера и объявляетъ ему приговоръ: за дерзость относительно офицера вы переводитесь изъ четвертаго класса въ пятый и будете высѣчены...

Виновнаго высѣкли 20-ю розгами публично...

Затѣмъ его исключили изъ училища...

Впечатлѣніе эта небывалая въ стѣнахъ училища казнь произвела страшное...

И надо сказать, что этимъ страшнымъ эпизодомъ положенъ былъ конецъ эпохѣ броженія умовъ въ училищѣ и сразу все подчинилось стихіи дисциплины; послѣ этого ничего подобнаго не повторялось, какъ казнь, и ничего подобнаго не повторялось, какъ проявленіе бунта...

Нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ, что столь страшно наказанный воспитанникъ поступилъ въ военную службу, былъ на войнѣ и считался отличнымъ офицеромъ и порядочнымъ человѣкомъ.

II.

(Послѣ 1850—1853 года).

Мое отрочество въ стѣнахъ училища Правовѣдѣнія. — Директоръ Изяковъ. — Инспекторъ Рутенбергъ. — Священникъ Богословскій. — Учитель. — Посѣщеніе училища Императоромъ Николаемъ I.

Въ 1850 году, 11-ти лѣтъ съ половиною, я надѣлъ трехъуголку правовѣда къ 15-му августа...

На долгихъ привезъ насъ старый слуга моего отца въ Петербургъ изъ деревни,—брата моего для помѣщенія въ тогдашній знаменитый пансіонъ Эммэ, а меня въ училище Правовѣдѣнія.

Имѣніе моего отца было въ 120 верстахъ отъ Петербурга, въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Въ немъ считалось около 500 душъ. Объ этой деревнѣ Мануилово вспоминается, какъ о раѣ земномъ... Слово: рай—здѣсь вовсе не метафора. Благодаря раннему поступленію въ училищную жизнь—8 лѣтъ, благодаря умственному богатству семьи моихъ родителей, 11 лѣтъ я былъ развитъ не менѣе, чѣмъ мои товарищи 14 и 15 лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ уже много въ душѣ зарождается не только впечатлѣній, но и мыслей серьезныхъ. Во мнѣ было сознаніе ясное и свѣтлое, что наша деревня была именно раемъ, по совершенному отсутствію зла и по изобилію самыхъ свѣтлыхъ и, такъ сказать, сладкихъ душевныхъ впечатлѣній; тамъ царила какая-то чудная духовная гармонія въ людяхъ

и во всѣхъ проявленіяхъ жизни, и ея слѣды въ душѣ были такъ глубоки, такъ сознательны, что остались живыми на всю жизнь... Этотъ слѣдъ былъ 10 и 20 лѣтъ спустя тѣмъ недоумѣніемъ, тѣмъ непониманіемъ, съ которымъ я со всѣхъ сторонъ послѣ знакомился со сказками и толками о звѣрствѣ крѣпостного права, о лютоści помѣщика... Въ нашей деревнѣ чуть ли не съ пеленокъ я видѣлъ только помѣщика въ лицѣ моего отца, и этотъ помѣщикъ былъ не только отцомъ, но былъ ангеломъ и добрымъ геніемъ для своихъ мужиковъ: когда я сталъ разсуждать и понимать, я именно этого ангела узналъ не по своимъ впечатлѣніямъ, а отъ мужиковъ, по тысячамъ проявленій ихъ обожанія къ нему. Я видѣлъ и понималъ, что мой отецъ не только въ каждомъ мужикѣ уважалъ человѣка, во Христѣ брата, но родного, близкаго ему, милаго ему сына, а съ другой стороны я сталъ видѣть и понимать, что другого значенія, какъ родного отца, мой отецъ для крестьянъ не имѣлъ. И въ этой, именно, семейной связи съ крестьянами мы росли. Мы знали чуть ли не всѣхъ крестьянъ по имени, знали каждую заботу, или печаль, или радость въ крестьянскихъ дѣлахъ, ни разу за рядъ лѣтъ мнѣ не пришлось слышать о наказанномъ моимъ отцомъ или его управляющимъ крестьянинѣ; а о помощи тому или другому сколько я слышалъ рѣчей въ устахъ моего отца...

До 1850 года въ деревнѣ съ нами жила моя бабушка, вдова великаго Карамзина, съ двумя незамужними дочерьми. Величавая и стройная 70-лѣтняя Екатерина Андреевна Карамзина была самымъ ярко-свѣтлымъ олицетвореніемъ привѣтливости и любви къ окружающему ее міру... Отъ нея вѣяло правдою и благородствомъ, и я живо помню, какъ для каждого она являлась какимъ-то величествен-

нымъ и въ тоже время прелестнымъ образомъ барыни-праведницы. Тутъ же въ полуверстѣ была большая больница воспитательнаго дома. Главный ея докторъ былъ гомеопатъ и чудный человѣкъ, любившій крестьянина и любившій добро. Въ 7 верстахъ была наша Опольская церковь, съ симпатичнымъ и почтеннымъ батюшкою, прекрасно служившимъ и пріѣзжавшимъ служить къ намъ по праздникамъ всенощныя. И вотъ, взаимная связь всѣхъ этихъ хорошихъ и прекрасныхъ лицъ и составляла ту полную и чудную жизненную гармонию, которой на человѣческомъ языкѣ другого названія дать не могу, какъ именно: земной рай.

Съ этими впечатлѣніями земного рая въ душѣ попалъ я на 7-лѣтнее заключеніе въ училище Правовѣдѣнія при Языковѣ.

При переходѣ изъ приготовительныхъ классовъ въ училище Правовѣдѣнія пришлось почувствовать разницу воспитательнаго режима... Въ рукахъ нашего добраго папа Берара мы чувствовали себя какъ будто въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ; каждый изъ насъ сознавалъ свою дѣтскую личность не только существующею для нашихъ воспитателей, но до извѣстной степени имъ близкою: между ими и нами бывалъ постоянный обмѣнъ впечатлѣній, и самая строгость никогда не теряла характера семейнаго, дружескаго или отцовскаго обращенія...

При поступленіи въ училище, въ грозныя руки Языкова, пришлось съ нашими ощущеніями проститься; мы скоро поняли и почувствовали, что становились номерами, подъ которыми справляли свою функцію воспитанника.

Мы сразу постигли, что смѣшно, дико, немыслимо было бы представить себѣ нашего брата воспитанника, идущимъ къ директору съ душевнымъ вопросомъ... И то

же самое чувство мы начали испытывать относительно инспектора Рутенберга, относительно воспитателей и относительно учителей... Во всемъ были внѣшнія отношенія, внутреннихъ не было; оттого наша семилѣтняя жизнь въ училищѣ началась и продолжалась для каждого съ тѣмъ духовнымъ запасомъ матеріала, съ какимъ его снабдили дома, въ своей семьѣ, и не разъ, вслѣдствіе этого, приходилось замѣчать, какъ грубѣли и черствѣли тѣ изъ нашихъ товарищей, родители которыхъ были внѣ Петербурга и которые вслѣдствіе этого запирались на цѣлый годъ въ училищныя стѣны, какъ въ клѣтку, безъ освѣженія домашнею жизнью, то есть жизнью сердца.

Ни разу, напримѣръ, пока онъ былъ живъ, нашъ инспекторъ Рутенбергъ не появлялся среди насъ иначе, какъ въ опредѣленные часы; ни разу не измѣнились ни его походка, ни его движенія, ни его слова... То же самое относительно Языкова, хотя онъ являлся иногда невзначай, не въ опредѣленное время; если невзначай, это былъ все тотъ же блюститель внѣшняго порядка, совершенно равнодушный къ тому, что у каждого изъ насъ было на душѣ. Всего выразительнѣе въ этомъ культѣ внѣшней дисциплины казался намъ нашъ знаменитый законоучитель, священникъ Михаилъ Измайловичъ Богословскій. Говорю: знаменитый—потому, что его зналъ весь Петербургъ за его строгость и за его особенную по характеру службу... Придетъ, войдетъ въ классъ, сядетъ на кафедру, прочтетъ урокъ, и начнетъ спрашивать строго и безпощадно—придирчиво и уйдетъ, причемъ до урока и послѣ урока каждый долженъ былъ подходить подъ благословеніе и цѣловать руку... и все это молча и трепеща... Одна была разница: въ какой рясѣ пріѣдетъ Богословскій; мы ждали этого съ нетерпѣніемъ и страхомъ: если въ зеленой—скверно, его